

Переписи населения и конструирование идентичностей

Валерий Тишков

Введение

Историография и социально-культурная антропология немыслимы без использования данных переписей населения в исследовательских целях. Особый интерес к этому источнику информации и к этой важнейшей общественной процедуре в истории современных государств возник в последние десятилетия. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, в XX в. проведение всеобщих переписей населения стало обычным для большинства развитых стран (национальные переписи проводят около 60 государств), и их данные – это важнейший источник сведений о состоянии общества и государства, а также источник для обобщения и сравнения мировых процессов и тенденций. Во-вторых, без данных переписей не мог бы полноценно функционировать целый ряд обществоведческих дисциплин (демография, социология, политология, этнология), не говоря уже об использовании переписных данных в общественных целях, начиная от избирательных процедур до образовательной и социальной политики. В-третьих, внедрение новейших технологий и исследовательских методов в обществоведческий анализ позволили совершать чудеса с огромными массивами количественных данных, которые до этого были малодоступны обычному ручному анализу. Наконец, эти же технологии, а также рост образования и общественной активности людей позволяют гораздо более эффективно использовать переписные процедуры не только для управления сверху, но и для низовых общественных мобилизаций и низовой самоорганизации.

Следует отметить, что с появлением компьютерной технологии в истории сотрудничества обществоведов США и СССР был период плодотворной совместной работы в области использования количественных методов исторического анализа. Эта работа осуществлялась на протяжении 1970-х – в начале 1980-х годов в рамках двусторонней ко-

миссии, которую возглавлял от Отделения истории АН СССР покойный академик И. Д. Ковальченко и от США профессор Принстонского университета Теодор Рабб. Именно тогда были установлены личные контакты со многими известными американскими историками, включая будущего лауреата Нобелевской премии профессора Роберта Фогеля, Стенли Энгерманна, Ричарда Сатча и др. Проводились совместные симпозиумы в США (Принстон и Балтимор) и в СССР (Москва и Таллин), вышла серия публикаций на русском языке¹. Именно тогда в орбиту этих мероприятий были вовлечены многие отечественные историки, бывшие уже известными эстонский академик Ю. Ю. Кахк, В. З. Дробижев, Ю. В. Арутюнян и ставшие известными сегодня Б. Н. Миронов, Л. И. Бородкин, Н. А. Селунская, В. К. Соколов, Ю. Бокарев.

Во всех этих проектах в основе разрабатываемых методологий лежало использование массовых источников, прежде всего данных переписей. Но тогда мало кто обсуждал сам вопрос *антропологии переписи*, ограничиваясь проблемами верификации, представительности, точности исполнения опроса, последующих манипуляций и, конечно, проблемами кодирования данных для компьютерной обработки. Впечатляющим для тех лет выглядел, например, так называемый Филадельфийский проект Теодора Хершберга, суть которого заключалась в реконструкции историко-демографического портрета г. Филадельфии (вплоть до жителей отдельных улиц) на основе данных переписей населения США середины XIX в.² В России впечатляющими были исследования на базе данных переписи 1897 г.

Наконец, когда уже компьютеры и обработка данных с новыми огромными возможностями стали рутинной в научном труде историка, однако интерес к материалам переписей населения не ослаб, ибо он наполнился новым содержанием, включая критику самого источника, а также более тонкое и рефлексивное обращение к количественным параметрам исторического материала. Вместе с тем только в самое последнее время встала проблема не менее фундаментального значения, а именно *политика переписей населения и трактовка переписных материалов не только в плане отражения реальности, но и как средство конструирования этой реальности и как форма интеллектуальных предписаний для массового потребителя и для общества в целом.*

¹ Количественные методы в советской и американской историографии. Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1983; Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века: Материалы советско-американских симпозиумов. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1991.

² См.: Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985.

Особенно важен аспект, связанный с выделением категорий переписного населения, формулировкой вопросов, обработкой последующих данных, их научной и политической трактовками. Одним из существенных является вопрос: как переписи населения связаны с процессом формирования идентичности (прежде всего национальной, этнической и расовой), с существующими в том или ином обществе властью и идеологией, наконец, с самой борьбой за власть и за ресурсы. В нашем анализе мы отталкиваемся от тезиса Мишеля Фуко, который связывал становление современного государства с его прогрессивно возрастающей способностью контролировать собственное население (от образования до тюрем). К этой же категории властного контроля принадлежит и механизм переписей населения.

Данные переписи представляют собой властный капитал, ибо знание о населении позволяет находящимся у власти лучше знать социальные условия, культурные и другие параметры управляемых и выработать наиболее адекватные решения проблем, или более широко, – осуществлять эффективное управление. Или же, если управляемые в этом заинтересованы, осуществлять на основе данных переписи те или иные массовые манипуляции и силовые проекты, которые не могут быть отнесены к категории эффективного управления.

В ряде аспектов всеобщая перепись – это привилегированный источник знания по кардинальным вопросам общественного бытия (численность, распределение, состав и движение населения, состояние здоровья и образования, занятость и занятия и прочее). Как правило, текущие данные в этих областях не могут конкурировать с данными всеобщих переписей.

Переписи имели и имеют большое значение для многих международных процедур и для глобальных измерений. Здесь их данные зачастую используются в геополитическом соперничестве, в выстраивании иерархии государств, особенно по линии бедные–богатые, в осуществлении международных программ развития и т. п. В последние годы под эгидой ООН зародилось целое направление, связанное с координацией проведения переписей и межгосударственной статистике, которое осуществляет Статистический отдел Департамента экономических и социальных проблем этой организации.

Проведение переписей, ожидание и трактовка их результатов почти всегда несут политическую нагрузку. Особенно это характерно для государств, где происходят быстрые и глубокие трансформации или имеются внутренняя напряженность и конфликт, связанные с теми или иными различиями в составе населения. Политико-идеологический смысл национальным переписям склонны придавать и зару-

бежные эксперты для сравнения их с переписями в других странах. Журналист американской газеты «Уолд-стрит джорнел», бравший у меня интервью накануне переписи, пришел в экстатическое возбуждение, когда я упомянул о возможности появления в России примерно двух десятков новых этнических общностей в итоге происходящей переписи: «Значит до этого их скрывали! Как это интересно!». Только мое замечание, что перепись 2000 г. в США также «открыла» два десятка «новых рас» и еще больше новых этнических групп, заставило журналиста изменить свой настрой на политическую сенсационность в интерпретации российской переписи.

Используя исторические данные, межгосударственные сравнения, а также опыт (пост)советских и предстоящей первой российской переписи населения в 2002 г. мы намерены рассмотреть *перепись как социально-культурное явление, а ее процедуру как политическую процессуальность*. Насколько нам известно, в таком плане данная проблема применительно к российским переписям еще не рассматривалась, за исключением работ С. В. Соколовского и Ф. Хирш³. Американские ученые Д. Арель и Д. Кертцер подготовили очень интересную коллективную монографию о мировом опыте отражения расы, этничности и языка в национальных переписях⁴. Эта работа приглашает к исследованию аналогичных проблем в постсоветских государствах. Польза от такого анализа может быть не только для исследователей, но и для государственных органов – основных исполнителей переписей населения.

Отечественные обществоведы являются активными пользователями переписных данных и даже участниками самой процедуры (например, составление Институтом этнологии и антропологии РАН списка народов и языков для разработки материалов переписей), однако в силу методологической догмы они воспринимали и продолжают воспринимать переписи и исключительно как наиболее полное откровение по поводу существующей реальности. «Вот будет скоро перепись населения, и тогда мы точно узнаем, сколько существует этносов в России», – заявил В. И. Козлов на совместном заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН и Комитета по межнациональным отношениям Государственной думы РФ 22 декабря 2001 г. Единственной его претензией было то, что в Конституции Российской Федерации «ничего про этносы не написано и поэтому изначально в

³ Соколовский С. В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001; Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category of *Nationality* in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Rev.* 1997. Vol. 56. No 2. P. 251–278.

⁴ Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / Eds. Kertzer D. I., Arel D. Cambridge, 2002.

стране все устроено не так». Это восприятие не отличается от восприятия политиков. Выступавший 29 апреля 2002 г. перед участниками специального совещания по переписи президент В. В. Путин выразил суть этого восприятия: «Перепись даст нам самый полный и самый подробный слепок с российского общества». Председатель Госкомстата России В. Л. Соколин заявил в своем докладе, что «перепись населения – это перепись ее народов»⁵.

В лучшем случае российскими специалистами проблема видится в том, чтобы найти наиболее оптимальный вариант организации переписи. Особенно если речь идет о фиксации так называемого национального состава и языковой ситуации в стране. Например, первичные дискуссии в эпоху горбачевской либерализации по вопросу о переписи сводились к главной дилемме: нужно определять заранее список народов или зафиксировать все возможные самоназвания по вопросу о национальной принадлежности и в итоге получить действительно подлинную картину, сколько народов живет в России⁶. Однако прежде чем перейти к анализу антропологического смысла (именно смысла, а не данных) переписей населения, отметим в целом феномен политики цифр, включая политику переписей. Не случайно данный сюжет в дисциплинарном плане относится нами не к этнодемографии, социологии или статистике, а к социально-культурной антропологии.

Перепись и государство

Категоризации населения государств по принципу личностной идентификации на основе культурных маркеров (раса, этническая группа, язык, религия) имеет уже более чем двухвековую историю. Сегодня найдется немного государств, которые не проводили бы регулярные переписи населения. При этом чаще всего причина отказа от данной процедуры кроется не в слабости государственного аппарата или нехватке средств, а в угрозах, которые может заключать сама по себе процедура деления населения страны по различным маркерам коллективной идентичности.

Существующий исторический опыт крайне противоречив и чрезвычайно разнообразен. Ставшая рутинной и стандартизированной процедура переписи во многих странах имеет много схожих черт, но не меньше и различий, а вместе с этим и социально-политических последствий. Пожалуй, наиболее разительно отличается известный нам

⁵ Заметки автора с совещания 29 апреля 2002 г., Москва, Дом правительства.

⁶ См., напр.: Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты Всесоюзных переписей населения // Сов. этнография. 1989. № 2; Подходы к изучению этнической идентификации. Сб. статей / Отв. ред. Чамокова Э. А. М., 1994.

опыт американских и советских переписей, который заслуживает сравнительного изучения. Вообще проблема статистики и государства слабо рассматривалась в контексте политической антропологии, в том числе и при изучении *этнографии государства*, которая остается *terra incognita* (пост)советского обществознания. Сразу же отметим одну из наших общеметодологических посылок, что без категоризации населения, т. е. без официальной процедуры *сертификации* коллективных идентичностей и тем самым без придания легитимности населению в рамках определенного политического образования, не состоялось бы и современное государство, а также не смогла бы действовать и вся система международных отношений. Кроме того, без более чувствительного и рефлексивного отношения к процедуре переписи населения можно упустить важнейшие моменты, которые происходят как в самом обществе, так и в научно-теоретических взглядах на то, что есть общество и государство и как осуществлять эффективное управление в современных условиях. Приведу лишь два примера значимости теоретической постановки данной проблемы для поведения государства в отношении переписи и для эффективности или разрушительности результатов переписи с точки зрения общественного управления.

Первый пример из опыта переписей в США. Еще два десятилетия назад американские антропологи инициировали в мировой науке пересмотр категории «раса» не как биологической категории, а как прежде всего социальной категории. На этот счет была даже принята известная резолюция ЮНЕСКО. В последние годы позиция большинства североамериканских ученых стала еще более радикальной: раса рассматривается не более чем культурный (идеологический) конструкт, который не подкрепляется никакими физиологическими, генетическими и социальными факторами. Однако все попытки воздействовать на Бюро переписей США и устранить данную категорию из вопросника американской переписи закончились неудачей. Ибо слишком много политики, денег и бытовых эмоций, включая элементарный расизм, продолжают связываться с данной категорией. Максимум чего удалось добиться, это позволить в переписи США 2000 г. фиксацию множественной расовой принадлежности и расширения «номенклатуры» расовых категорий. В то же самое время более удачными оказались давние лоббистские усилия представителей ученого мира и общественности по признанию в качестве самостоятельной категории латиноамериканского населения США: испаноамериканцев («Spanish Americans», или просто «Hispanic»). Специальная совещательная комиссия по населению испанского происхождения, действовавшая при Бюро

переписей США, добилась включения данной категории в программу начиная с переписи 1980 г.⁷

В целом следует признать, что более гибкая процедура при категоризации населения США в ходе переписей, особенно «прорывное» введение в 1980 г. категории «дихайфинеитид америкэнс» («пишущихся через дефис»), значительно помогло ослаблению этнорасовой напряженности в стране и укреплению общегражданской лояльности старых и новых иммигрантов⁸.

Существенной уступкой экспертному сообществу и общественным группам давления было введение в переписи 2000 г. более широкой номенклатуры этнических категорий наряду с признанием принципа сложного этнического происхождения. В итоге в США легитимно оформилась со всеми необходимыми «объективными» параметрами (численность, расселение, половозрастной состав, образовательный и социальный статусы и т. д.) многомиллионная группа, которая до этого была лишь смутно угадываемой частью американцев, говоривших с испанским акцентом. Спустя 10 лет ситуация изменилась. Ее самое разительное проявление – это приветственные двуязычные (на английском и испанском) надписи в нью-йоркском аэропорту им. Джона Кеннеди и зазвучавшая на улицах и в университетских корридорах испанская речь, которой пользуются более 20 млн жителей страны.

Сторонники эссенциалистского (реалистского) подхода воспримут данную ситуацию как отражение переписью существовавшей этнической реальности в лице испаноамериканцев (как «этноса», «субэтноса», «этнографической группы» или «переходной группы» в зависимости от языкового жонглирования терминами), среди которых произошел некий «этнический процесс», или процесс «возрождения национального самосознания», который реально отразила перепись. Однако дело сложнее: не будь переписи и дебатов по поводу особой переписной категории, а затем полученных статистических данных, не состоялась бы и сегодняшняя общность под названием «хиспаник». Старожильческое испаноамериканское население США (не следует забывать, что территория страны к югу от Рио-Гранде, включая такие штаты, как Техас и Калифорния, была фактически аннексирована у Мексики только в середине XIX в.), конечно же, существовало до переписей населения и помимо них, как существует многочисленная более современная миграция в США из Мексики и других стран Латинской

⁷ Harvey Ch. 'Statistics and Politics: The 'Hispanic Issue' in the 1980 Census //Demography, 1986. Vol. 23. P. 403–418.

⁸ Об итогах этой переписи и анализ ее результатов для понимания этнодемографической ситуации в США см.: Lieberman S. A Piece of the Pie; Lieberman S., Waters M. From Many Strands. Ethnic and racial Groups in Contemporary America. N. Y., 1998.

Америки. Но насколько я могу судить по собственным наблюдениям американского общества в последние четверть века, это было именно население, но не осознаваемая общность или даже особая группа населения со своим отличительным названием. Отличительное название существовало только на уровне уничижительных кличек типа «мексов», которыми могли назвать и живущего в Техасе американца с вековыми семейными корнями, уходящими в испанское колониальное правление, и недавнего мексиканского мигранта, временно работающего на плантациях Калифорнии. Да и то даже клички разнились в зависимости от их субъектов и ареалов распространения.

Именно перепись сделала испаноамериканцев единой категорией, причем не очень понятно, какой по своему смыслу категорией: расовой, этнической или вообще без обозначения: «хиспаник» – и на этом конец. Если быть более точным, именно в результате переписи произошла легитимизация (конструирование) группы по самоидентификации, которая основана больше на языковой (никак не этнической!) отличительности. Почему не этнической, если этничность понимать в более строгом смысле, а не как любую культурную отличительность? Потому что между испаноязычным (чаще – двуязычным или просто с испанской фамилией) американцем-техасцем, кубинским иммигрантом во Флориде и нелегальным «мокроспиночником»-мексиканцем из Калифорнии этнокультурная дистанция огромна, и сами себя они не воспринимают как единую группу. Единой группой их делают прежде всего переписные таблицы! А уже потом следуют их интерпретация и трансляция этих интерпретаций на массовый уровень и их воплощение в строчки бюджетов страны и штатов, а также в правовые тексты. Каким образом эта и сходная переписная инженерия скажется на развитии американского государства, пока судить рано, ибо необходима определенная историческая дистанция, но некоторые проблемы и парадоксы будут нами отмечены ниже.

Второй пример связан с опытом первой постсоветской переписи в России, точнее, с нашими попытками внести некоторые изменения в практику отечественных переписей населения после распада СССР и образования Российской Федерации. Отметим, что одно из наших предложений в начале 1990-х годов поменять местами вопросы о родном языке и национальной принадлежности, т.е. сначала задать вопрос о родном языке, а затем о национальности (чтобы ответ на первый вопрос не мешал ответу на второй), было принято Госкомстатом России и использовано уже в ходе промежуточной переписи 1994 г.

Программа переписи 2002 г. не сохранила эту новацию, вернувшись к варианту 1989 г. без должных разъяснений. Закончилась неуда-

чей наша попытка ввести категорию смешанной этнической идентификации, которая позволила бы фиксировать как «горизонтальную» двойную или множественную этническую лояльность (по родителям и среде проживания), так и «вертикальную» множественную идентичность от малых до более крупных сообществ, принадлежность к которым может ощущать один и тот же индивид одновременно или в разных ситуациях.⁹

Научно-экспертное сообщество, включая Ученый совет Института этнологии и антропологии РАН, и специалисты Госкомстата России не поддержали данную новацию. Госкомстат России остался сторонником формирования официального «списка народов России» и даже подготовил собственный вариант. Позднее был объявлен тендер на составление инструментария переписи по вопросам национальности и языка – до этого исключительная прерогатива Института этнографии. И на этот раз по результатам тендера институт (точнее, рабочая группа в составе П. И. Пучкова, З. П. Соколовой, С. В. Соколовского и меня) получили возможность составить такой список.

После дебатов на Ученом совете ИЭА РАН¹⁰ институт не смог предложить и отстоять какую-либо единую и более модернизированную позицию, избрав путь тривиального расширения списка за счет включения названий этнических групп, культурная отличительность которых или официально не признавалась (например, группа малых андоцезских народов Дагестана, включавшаяся в состав аварцев) или была реанимирована из историко-этнографического материала энтузиастами открытия «новых этносов» и этническими предпринимателями (например, алюторцы или сойоты). Впервые был введен также принцип указания «групп» и «подгрупп» (на языке доминирующей теории, «этноса» и «субэтноса»).

Некоторые мои коллеги считают «самой научной» перепись 1926 г. прежде всего за то, что она зафиксировала самый длинный (не употребляю более содержательное слово «полный») список национальностей¹¹. Примечательно, что после тоталитарных и идеологизированных манипуляций с советскими переписями после 1926 г. перепись 2002 г. многими мыслилась как возврат к некой научной норме и как восстановление справедливости, в частности признание «непризнанных этносов». Смена политики отрицания политикой признания эт-

⁹ См.: Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

¹⁰ См.: Перепись-2002: проблемы и суждения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. ИЭА РАН. 2000. № 132.

¹¹ См.: Степанов В. В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. ИЭА РАН. 2001. № 145.

нокультурного разнообразия населения действительно является ключевой в сфере обеспечения эффективного управления на демократической основе. Отрицание в разных его формах (от прямого запрета на упоминание тех или иных групп до перезаписывания одних в другие) было распространено в советское время. Но принципиально, с точки зрения процедуры, а не ее последствий, отрицание или «укрупнение» наций ничем не отличалось от оформления «советских наций и народностей», осуществленного во время переписи 1926 г. В том и в другом случаях имело место косвенное насилие или внешнее предписание, хотя политические результаты были противоположными: после 1926 г. всячески спонсировалось «преодоление национального неравенства» и «национальное развитие», а также политика коренизации, а в последующие десятилетия отрицание вело к депортации, утверждению статуса титульных наций в союзных республиках, ассимиляции и гомогенизации. Не произошло радикального изменения и в отношении фиксации этнических категорий в переписи 2002 г.

Мышление в категориях «группизма», но не в категориях сложного самосознания, а также представление об этнической общности как о фундаментальном и трудно меняющемся образовании в конечном итоге столкнулись с трудно преодолимыми методологическими и политическими трудностями. Прежде всего как аномалии стали восприниматься изменения советского периода, например, аваризация андоцезских народов Дагестана или татаризация кряшен. Многими моими коллегами единственно правильным считается возврат к норме 1926 г., когда все эти групповые идентификации были зафиксированы. Однако нынешняя ситуация оказалась гораздо более сложной, чем прежде, и ее невозможно свести к одному варианту. Одна часть андо-цезов считает себя аварцами, другая продолжает сохранять идентичность андийцев, ахвахцев, ботлихцев и т. д. Как показывают мои наблюдения, наиболее приемлемой для большинства этой части населения Дагестана была бы возможность считать себя как аварцами, так и андийцами, арчинцами или другими, но не в качестве «подгрупп аварцев». Ведь методологический подход «группа–подгруппа» или «этнос–субэтнос» (будучи сам по себе новацией, он является новацией недостаточной и половинчатой) даже не предполагает самой возможности двойной идентификации. Естественно, не предполагает этого и российская перепись, ибо «национальность у человека может быть только одна».

В итоге именно расширение списка, т. е. перечисление в «списке народов» двух–трех десятков до этого не выделявшихся этнических идентификаций, вызвало политическую напряженность в ходе подготовки переписи.

си 2002 г., а среди экспертов и статистиков возникли острые споры и определенная сумятица. Эта ситуация будет проанализирована ниже.

Следует сказать, что в научных дебатах на тему «перепись и государство» нами замечена абсолютизация самой субстанции «государство». В определенном смысле государство является абстракцией и в любом случае – это соединение разного уровня компетенции и полномочий конкретных людей на государственной службе. В вопросе переписи государство не действует как «моноголосный воленавязыватель», как это может быть в вопросах права или военных решений. Здесь имеет место столкновение многих интересов и представлений, присутствует фактор инерции и компетенции бюрократии и наличия ресурсов. Тут проявляются современные политические озабоченности, не говоря уже об огромной массе разнонаправленных движений и действий в процедуре общенационального масштаба, в исполнение которой вовлечены сотни тысяч людей. Наконец, в России (аналогичная практика имеется и в США) существует Государственная комиссия по проведению Всероссийской переписи населения 2002 г., в которую входят не только государственные служащие, но и ученые. Она призвана обеспечивать экспертную проработку принимаемых решений, но роль ее также может оказаться противоречивой. В России комиссия по переписи, сформированная из одних государственных служащих (за исключением единственного представителя академической науки – проф. А. Г. Вишневского), все важнейшие вопросы решала в конечном итоге путем импровизаций чиновников и экспертов из числа все тех же госслужащих.

Наконец, в отношениях государства к процедурам переписей возникают и непредвиденные обстоятельства, которые могут нарушить важнейший принцип регулярности проведения переписей и даже сам факт их проведения. Позволю заметить, что до сих пор считаю причинами переноса срока первой переписи в Российской Федерации не столько нехватку финансовых средств, сколько деморализацию федерального статистического ведомства в результате ареста его руководителей в 1998 г. и страхи (во многом из-за плохой обществоведческой экспертизы) руководства страны, прежде всего президента Б. Н. Ельцина, получить доказательства устроенного в стране «геноцида» в итоге «шоковой терапии», в чем его обвиняла оппозиция, начиная от коммунистов до уважаемых академиков.

Переписи в конструировании категорий

Как это ни странно, но наиболее интересные исследования о значении статистики в установлении и отправлении государственного контроля

были выполнены на примере колониальных владений. Бенедикт Андерсон в своей знаменитой книге «Воображаемые общности» обратил внимание на перепись как на один из первейших механизмов функционирования колониального государства (имеются в виду прежде всего колониально-административные образования в Латинской Америке). Именно он сравнил переписи с «тотальным, классифицирующим рашпилом (или гранильной)», которым государство проходило по собственной территории и тем самым превращало всех находящихся внутри этой территории в свою собственность. Андерсон выделил ключевой момент переписей: именно путем этой процедуры устанавливались различия, проводились границы и правительства обретали способность различать «народы, регионы, религии, языки» среди подвластного населения.

Само по себе очерчивание границ означало, что содержащиеся в их пределах компоненты могли и должны были быть подвергнуты счету и в итоге инкорпорированы в государственный организм¹². *Вообще на протяжении длительной истории главной целью государства в проведении переписи населения являлось создание различимой совокупности населения, чтобы сделать ее объектом политики и правовых процедур, как, например, сбор налогов или воинский набор. Во многом эта цель остается и поныне, но у переписей обнаружилось и много других задач.*

Еще одна интересная черта использования категорий идентичности в ходе переписей – это конструирование особого представления о социальной реальности. Все люди в пределах «переписных» пространственных границ зачисляются в одну единственную категорию граждан или жителей того или иного государства или региона. Тем самым в отношении всего данного населения осуществляется своего рода концептуализация политической общности, члены которой предположительно разделяют или должны разделять общую коллективную идентичность. Это не исключает, а даже предполагает и фиксацию «чужаков» (в ранних канадских, американских и других переписях эта категория и определялась как *aliens*, т. е. чужаки, иностранцы). В новейшее время эта категория обрела более изощренные градации («апатриды», «не рожденные в США» и т. п.). Но в любом случае всеобщая национальная перепись создает народ или нацию в более совершенном виде тогда, когда эта общность посчитана и ей даже дано название (американский народ, или нация, китайская нация – *миндзу* и т. п.). В случае с новейшей российской переписью впервые произойдет наиболее достоверное оформление того, что в Кон-

---

¹² Anderson B. Imagined Communities. 1991. P. 184.

ституции страны определяется как «многонациональный народ», от имени которого и провозглашена Российская Федерация.

Помимо создания легитимной категории «населения» процедура переписи осуществляет предписание или просто способствует формированию воззрений людей на мир как на состоящий из отчетливых групп людей, порождая вслед за этим особое внимание к сторонам социальной жизни, которые до этого не имели существенного, а тем более официально-статусного значения. Именно в результате переписей сами критерии, по которым людей разделяют на категории, обретают дополнительную, а иногда решающую значимость. Невозможно отрицать, что изначально и поныне переписи населения построены на мировоззренческой посылке, что люди подразделяются на групповые категории (расы, этносы, граждане, неграждане, верующие и неверующие и т. п.), вместо того чтобы рассматривать социальные связи гораздо в более сложном и подвижном контексте, а саму социальную группировку как ситуативную процедуру. Как заметил Арджун Аппадурай, «для людей и для социальных типов статистика играет ту же роль, что и географические карты в отношении отражаемых на них территорий: они плоские и расчерченные»¹³. Таким образом, *данные переписи о категориях населения есть условность по отношению к самому населению в той же мере, как географическая или административная карта есть условность по отношению к отражаемой местности.*

Как создаются «население» и «группы» в переписях

Следует отметить, что первенство в проведении переписей населения принадлежит больше церкви, чем государству, по крайней мере, в Европе и в Америке. Подробная регистрация прихожан и приверженцев церкви, особенно в лоне римско-католической церкви, началась еще в XVI в. и сохраняется до сих пор. Это дело поставлено столь хорошо, например, среди религиозных общин США, что необходимость включать в программу национальной переписи вопрос о религии фактически отпадает.

В Европе и в Северной Америке создание национальных систем статистики развивалось с конца XVIII – начала XIX в. и было важнейшим средством модернизации государства. Одной из самых ранних периодических (раз в 10 лет) переписей населения можно считать перепись 1790 г. в США. Именно с этого момента молодое независимое государство конституировало не только собственное население, но и первые его градации по группам, которые тогда еще не имели столь

¹³ Appadurai A. 'Number in the Colonial Imagination // Orientalism and the Postcolonial Predicament. Eds. Breckenridge C. A., Veer van der P. Philadelphia, 1993. P. 332.

четкую дефиницию «расы» или «этнической группы», а за разделительный принцип скорее брали регионы происхождения его граждан. Причем, заметим, что территория, на которой разместилось новое государственное образование, никогда не была пустующей землей. К началу XVI в., когда началась европейская колонизация, здесь проживало около 3,5 млн индейцев, принадлежавших к 17 основным языковым группам и размещавшихся на огромных просторах от восточного Атлантического до Северо-Западного тихоокеанского побережий. Болезни, завезенные европейцами, особенно оспа, а также преимущество европейцев в обладании огнестрельным оружием сделали свое дело за два столетия индейско-европейских контактов. К моменту первой переписи 1790 г. на территории первых 13 штатов (т. е. это в основном восточное побережье) индейцы составили всего 1,2% населения, которое и было зафиксировано переписью как «коренные индейцы» (Native Indian).

Также появились и были определены как отдельная группа населения африканские рабы. Прибытие первого раба-афроамериканца на территорию США (колония Джеймстаун – нынешний район Вашингтона) историки относят к 1619 г., но уже спустя 30 лет число африканских рабов достигло 50 тыс. (главным образом в Вирджинии и Массачусетсе). Когда проводилась первая перепись, то чернокожее население составило вторую по численности зафиксированную группу – 19%. Самой многочисленной группой стали выходцы с Британских островов (British) – 70% всего населения. Это было примерно 3 из 4 млн жителей Соединенных Штатов. Среди них были англичане, уэльсцы, шотландцы, ирландцы. Почему именно была выбрана категория «британцы» – вопрос господствовавшей идеологии и даже, возможно, случайного творчества авторов первой переписи. Тем не менее ясно, что представление о США как о стране пилигримов – выходцев с Британских островов, восставших и отделившихся от своей метрополии, было на тот момент господствующим. Оно и определило данную классификацию групп.

В основе переписи еще не было родившегося позднее представления о доминирующем культурном компоненте, который получил название WASP (белый, англосакс и протестант), ибо в переписи была выделена еще одна (четвертая) категория населения – «другие северо-европейцы» (Other Northern European). Эти составлявшие 10% населения являлись в основном выходцами из Голландии и Германии (точнее, немецких княжеств, ибо Германии как таковой еще не было). Подавляющее их большинство разделяло ту же самую протестантскую веру. И хотя религия в тот исторический период служила важнейшей формой идентичности, тем не менее авторы переписи провели разли-

чие по линии «британец-североевропеец» главным образом по политическим и, возможно, по меркантильным соображениям, чтобы «британцам» не делиться в равной мере всеми преимуществами основных «собственников» нового государственного образования. Со временем эти основные категории уйдут в небытие, когда прежде всего изменится само американское общество. Тем не менее заложенная первой переписью градация групп сохранялась очень долго, а где-то ее отголоски сохранялись до самого последнего времени.

В XIX в. США проводили регулярные переписи каждые 10 лет и, казалось бы, несмотря на многочисленную иммиграцию (кстати, данное понятие тогда не употреблялось), это был период формирования единой американской нации, за исключением, конечно, рабов и индейцев, которые никакими правами не обладали и в категорию «американского народа» не входили. Однако представление самих американцев и внешних обозревателей о некоем едином народе было скорее мифом, чем реальностью, который создавался не только пропагандистами, но и самими переписями, несмотря на все более утверждавшуюся в них расовую градацию, т. е. деление жителей на группы-категории, называемые «расами».

Начиная с переписи 1850 г. появилась еще одна мощная раздельная линия между «рожденными в Америке» и «не рожденными в Америке», которая отражала очередной и сохранявшийся поныне принцип деления жителей страны по времени иммиграции. Смысл этой переписной категории состоял только в одном: держать недавнее иммигрантское население в приниженном положении и получать дивиденды от его сверхэксплуатации остальными «настоящими американцами», как будто бы все они сами никогда не были иммигрантами. Этот рудимент общества жесткой дискриминации сохраняется до сих пор, хотя смысл его в переписи сильно изменился, в том числе включая и обратные – «проиммигрантские» установки большей части современного американского общества.

С конца XIX в. переписи стали почти обязательной характеристикой современного государства, включая территории колониальных владений. Собирались специальные международные статистические конгрессы, на которых вырабатывались общие критерии и осуществлялся обмен информацией между представителями разных стран и соответствующих национальных ведомств. Ссылки на решения данных конгрессов до настоящего времени можно встретить в методической литературе статистических органов, в научных работах статистиков, включая и российских экспертов и государственных служащих.

Утверждались данные процедуры нелегко и почти всегда в противоречии, с одной стороны, интересов государственной бюрократии, а с другой – населения. Истории известны ранние попытки проведения

всеобщих переписей, которые были отвергнуты населением и местными органами власти, как, например, во Франции в середине XVIII в.¹⁴ Аналогичные ситуации наблюдались в Канаде и США, где население, особенно вновь прибывшее, панически боялось введения новых государственных налогов и призыва на военную службу. Кстати, ранние переписи очень часто носили именно выборочный характер, ибо государству было важнее сосчитать не проживавшее в нем население, а те субъекты, которые подвергались налогообложению или исполняли другие обязательства. Вот почему перепись могла охватывать только домовладения (именно они обкладывались налогом) и не считать представителей тех групп населения, которые налогами вообще не облагались (например, до переписи 1820 г. американские индейцы, проживавшие на территории резерваций и не считавшиеся гражданами).

Первая всеобщая перепись населения в Российской империи состоялась в 1897 г. и дала богатейший материал о населении столь крупного и сложного по составу населения государства. Восприятие и интерпретация историками этой переписи до сих пор содержит в себе много мистификаций и постфактических рационализаций, как, например, «опрокидывающее в прошлое» вычисление численности русских по параметрам языка и вероисповедания, а не самоидентификации, которая в тот момент для переписчиков не существовала, но которая считается и действительно может быть только единственным достоверным критерием этнической принадлежности.

Какие категории изначально вводились в переписях? Прежде всего стандартной категорией стало проживающее население (иногда с добавлениями: постоянное, непостоянное, совокупное и пр.). С конца XIX в. государства всегда хотели считать всех, кто находился в пределах его границ. Поэтому главной, разделительной являлась категория *граждане–неграждане*. Близкой, но отличной от первой стала категория *рождение в государстве – рождение за рубежом*. Обе категории имели большие нагрузки и в то же время отличительности.

Категория «граждан» и «иностранцев» была особенно значима в тех государствах, где господствовала жесткая якобинская формула *нации* как согражданства и не признавались никакие другие внутренние подкатегории. Франция наиболее жестко стояла на протяжении почти двух столетий в процедуре проведения собственных переписей. В стране были только «французы» и «иностранцы», которых переписывали по странам происхождения (как иммигрантов в США и Канаде). В 1962 г. категория

---

¹⁴ Starr P. (ed.) The Politics of Numbers / Ed. Starr P. N. Y., 1987. P. 12–13.

«иностранцев» была распространена на новую группу населения, которую стали называть «натурализованными французами».

О том, насколько болезненно во Франции государство и многие политики блюли чистоту нации, говорит хотя бы тот факт, что в начале 1980-х годов генеральный секретарь компартии Франции Жорж Марше отправил в политбюро ЦК КПСС жалобу на Институт этнографии АН СССР за то, что в изданном демографическом справочнике «Народы мира» (автор – С. И. Брук) население Франции разделялось на отдельные народы (собственно французы, корсиканцы, бретонцы и другие). От выговора институт и автора справочника спасли начавшиеся идеологические потепления между СССР и капиталистическими странами и испорченные отношения между двумя компартиями¹⁵.

Для стран массовой иммиграции не менее важной была категоризация населения по странам происхождения. Вопрос о месте рождения присутствовал фактически во всех переписях США, а позднее – в переписях Канады, Австралии, Великобритании. Поскольку этничность не имела того значения, которое она обрела позднее, то все выходцы из Российской империи, например, шли на протяжении десятилетий как люди из «России», или как «русские», хотя этнические русские среди них составляли явное меньшинство, а преобладали евреи, поляки, украинцы, финны¹⁶. Последние исследования выявили, что только 2% «русских» иммигрантов в США могут считаться этническими русскими¹⁷.

В российской переписи 1897 г. вопрос о гражданстве отсутствовал, ибо все жители страны и так считались подданными российского императора и никакой дополнительной легитимности для определения населения страны не требовалось. Важнейшую градацию на грани гражданской и культурной идентичностей представляли собой категории «православные» и «иностранцы». Как и во многих переписях того времени, российская содержала вопрос о языке, что дало позднее основу для исторических реконструкций этнического состава населения страны. Однако выполненные В. М. Кабузаном историко-демографические исследования о русских явно не различают исторически обусловленные формы идентичности и как бы опрокидывают в прошлое нынешнее представление о «русском этносе». Русскими становятся все, кто исповедывал православие и говорил по-русски. Неучет изменения самого содержания *русскости* и механистические проекции данных переписей и других более ранних описей населения в конечном итоге

¹⁵ Нелишне узнать из источника (Беседа В. А. Тишкова с С. И. Бруком) // Этнограф. обозрение. 1995. № 1. С. 89–101.

¹⁶ Подробнее см.: Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М., 1994. С. 53–65.

¹⁷ Petersen W. Ethnicity Counts. New Brunswick, 1987. P. 219.

приводят исследователя к политически предпочтительным выводам о русских как о некоем исторически оформившемся и длительно существующем коллективном теле, которое и осуществляет акт российского государствообразования и тем самым делает его (государство) легитимным: иначе где же проживать на Земле русским, если не в своем собственном государстве, где они всегда были в большинстве?

В советских переписях озабоченность государства по поводу единого народа не находила отражения, ибо не существовало и самой этой озабоченности: факт существования, т. е. изначальная легитимность *советского народа* обеспечивались не через всеобщий переписной референдум, а через другие механизмы, в том числе силовые и идеологическо-пропагандистские. Категория «народа» в переписях была отдана в пользу этнических идентификаций, которые, в свою очередь, были оформлены как «народы СССР», или «советские нации». Эта идеология дожила до сегодняшнего дня, а программа переписи 2002 г. в ее нынешнем варианте продолжает считать «народы России», но не статистические категории учета этнических идентификаций среди российского народа.

Смысл переписных данных не предполагает наличие такой категории, как российский народ, хотя россияне в этнокультурном, расовом и религиозном планах гораздо более гомогенны, чем, например, современные американцы, а тем более индусы или индонезийцы. Но представить себе, что авторы американских или индийских переписей отдали бы категорию «народ» для подсчета культурно различительных групп населения, крайне трудно и даже невозможно: миф о едином американском народе или об индийской нации начал бы мгновенно рассыпаться, как и сама гипотетическая общность. В равной мере не считают «народы» и другие национальные переписи, резервируя столь мощную категорию для всего населения государства и тем самым соблюдая основную миссию переписи, о которой я сказал выше: *создавать народ для государства*.

Изобретение культурных категорий

Наиболее сложным и запутанным в переписях был и остается вопрос об использовании культурных категорий в отношении населения государств. Такой первичной категоризацией во многих случаях стало деление населения по расовому составу. Данная категоризация основывается на выборе определенных физических черт личности и конструировании на этой основе биологической категории в отношении носителей таких черт. Своего рода пионером подобной новации выступили США, где сложилась давняя традиция деления населения на взаимно исключаящие расовые категории. Хотя отношение и содер-

жение понятия *раса* менялось, тем не менее оно стойко сохранялось в практике переписей, и именно переписи представляли собой главную сферу общественной деятельности, через которую конструировалась расовая номенклатура населения страны. Более того, именно переписи придавали легитимность и научную ауру расовой идеологии и общественной практике.

Вопрос о расе появился в переписях США с 1790 г. в форме простой дихотомии – *черные* и *белые*. Но со временем в США произошла сложная метаморфоза смешивания расовых и этнических категорий, ибо исходная методологическая позиция основывалась на том, что обе категории имеют эксклюзивный характер (они не могут носить множественную природу) и объективно связаны или даже предопределены происхождением. Именно как «раса» появились категории *индейцы* и *китайцы* в переписи 1870 г., *японцы* – в переписи 1890 года, *филиппинцы*, *индийцы*, *корейцы* – в 1920 г. (в 1950 г. две последние категории элиминировали). В 1930 г. записывали отдельно *мексиканцев*, но потом от этой практики отказались. В 1960 г. появились *гавайцы*, *эскимосы*, *алеуты*.

Последние десятилетия XX в. были временем огромного интереса к феномену коллективных идентичностей. В США этот вопрос вышел далеко за пределы академического сообщества и вызвал ожесточенные дебаты с большими социальными и политическими последствиями. Отчасти это было вызвано болезненным наследием американского расизма и сохраняющимися расовыми проблемами, а также новыми волнами иммигрантов, которые во многом изменили облик современной Америки и ее идеологических устоев. Родившаяся формула «многокультурности»¹⁸ оформила взгляд на страну с ее населением как на разделенную на определенное и фиксированное по групповому членству число различных «культур», каждая из которых заслуживает своего достойного исторического места, статуса, равного обращения и уважения, а также, возможно, и специальной поддержки. Этот новый общественный климат отразился и на практике переписей, а вместе с тем и на представлениях, что есть население Америки и кто есть американцы.

В 1977 г. в США была введена правительственная директива различения в федеральной статистике, включая и переписи, этнических и расовых групп населения. В итоге начиная с переписи 1980 г., к «расовым» категориям были добавлены *корейцы*, *вьетнамцы*, *индийцы*, *гуамцы* и *самоанцы*. Отдельно стоял вопрос о лицах испанского происхождения. В последней переписи 2000 г. все эти категории остались фактически без изменения, внося огромную путаницу в этнорасовую классификацию.

¹⁸ Об этом см.: Мультикультурализм в трансформирующихся обществах / Под ред. Малахова В. С., Тишкова В. А. М., 2002.

Именно перепись 1980 г. в США ознаменовала попытку придать этническую принадлежность каждому американцу, для чего были использованы новая категория «происхождение» (ancestry), а также данные переписи по языку. Но вопрос о языке был сформулирован плохо и его формулировка часто менялась. В итоге появившиеся исследования, в том числе и знаменитая гарвардская «Энциклопедия этнических групп в США», стали своего рода памятником устаревшей методологии или не очень удачным реверансом в пользу феномена «этнического возрождения».

Закономерность здесь была одна и та же: как только вводилась новая категория, так сразу же увеличивалось число «клиентов», желавших в нее попасть, хотя все предыдущие оценки численности культурно отличительных групп этого не фиксировали. Например, число американцев словацкого, хорватского и франко-канадского происхождения удвоилось между переписями 1980 и 1990 гг., а число акадийцев (кейджианс) увеличилось в 60 раз. Все эти четыре категории в переписи 1980 г. отсутствовали и их подсчеты делались на основе других данных. Появились они только в переписи 1990 г.

Методологический тупик американской переписи

Несмотря на убежденность, что Америка страна свободного культурного многообразия и что американская нация построена не на принципах крови, происхождения, национальности или религии, а на всех объединяющем идеале либеральной демократии, отношение к культурному (этническому, языковому, религиозному) разнообразию в этой стране было очень непростым. Масштабной и длительной дискриминации подвергались такие большие группы населения, как негритянские рабы и их освобожденные потомки, американские индейцы, иммигранты-католики, китайские и мексиканские сезонные работники и еврейские торговцы. Многие из проблем и их последствия остаются и до сегодняшнего дня. Как пишет бывший директор Бюро переписей США Кеннет Приуитт, комментируя прошедшую перепись 2000 г., «в нашей стране, хотя мы и живем вместе, не всегда все получается мирно. Не всегда совместное проживание было справедливым, и нет гарантии, что в предстоящие десятилетия мы будем жить по-другому. Есть проблемы, которые нам необходимо решать, особенно те, которые возникли в ходе недавно проведенной переписи населения»¹⁹.

---

¹⁹ Prewitt K. Census 2000. As a nation, we are the world //Carnegie Reporter. 2001. Vol. 1, № 3. P. 4.

Что имеет в виду автор этого замечания? То, что каждая новая перепись вскрывает массу проблем американского общества, особенно социального характера? Кеннет Приуитт имеет в виду прежде всего впервые осуществленную в истории американских переписей опцию *множественной расы*, т. е. возможность указания множественной расовой принадлежности. По его мнению, этот вопрос затрагивает саму суть конфликта между единством и многообразием в Америке: «Вариант множественной расы, по моему мнению, вызвал колебания, которые сигнализируют о наступлении политического и социального землетрясения. Это землетрясение случится вопреки казалось бы, противоположной данному предсказанию тенденции в национальной демографии»²⁰.

Что же есть это принципиально новое, если Америка уже пережила в своем развитии радикальные перемены в характере национальной мозаики? Как известно, в XIX – начале XX в. иммиграция изменила облик страны, первоначально основанный на северо-европейском, протестантском компоненте. В начале XX в. американское общество представляло собой уже сплав протестантов, католиков и евреев-иудаистов. Но эта масштабная и со значительными последствиями перемена не идет в сравнение с тем, что произошло с Америкой во второй половине XX в. Ее народ стал представлять в буквальном смысле все известные цивилизации, культуры и языки, т. е. американские граждане являли собой не просто культурно сложное общество, но своего рода первую в истории «мировую нацию», или «нацию мира» (world nation).

И вот здесь, пожалуй, впервые мы ставим вопрос об исторической уязвимости американского проекта, по крайней мере, в том его виде, как он отражается и реализуется переписной процессуальностью. Если внимательно посмотреть на итоги последней переписи, то получается следующая картина. Вопрос о расе позволял выделить 15 отдельных групп, но на самом деле, если не считать подгруппы в категории *азиаты*, базовая система расовой классификации признает только шесть категорий: *белые, черные, азиаты, индейцы и аляскинские аборигены, коренные гавайцы и жители тихоокеанских островов, и другая раса*.

По сравнению с переписью 1990 г., здесь только одно отличие: гавайцы и другие тихоокеанцы выделились из «азиатов» в самостоятельную категорию. Более серьезное и принципиальное отличие заключалось в том, что гражданам впервые предоставлялась возможность ответить на вопрос об «одной или более» расовой принадлежности. Варианты ответов в рамках названных выше шести категорий позволяли получить 63 отдельные расовые группы (точнее, группировки). Выде-

---

²⁰ Ibidem.

ленная как этническая категория *испаноамериканцы* и *неиспаноамериканцы* разделила все население еще на две дополнительные категории, позволив тем самым зафиксировать 126 возможных расовых/этнических группировок.

Что получилось в итоге инструкции к вопроснику «отметьте одну или более рас»? Хотя не так много американцев указали множественную расовую принадлежность (около 7 млн, или 2,4% населения), среди детей доля «многорасовых» американцев в 2 раза выше, чем среди взрослых. Это означает, что с каждой следующей переписью и по мере возрастания числа межрасовых браков, а также психологического привыкания к подобной опции это число будет продолжать расти. Как отмечает Кеннет Приуитт, «что действительно имеет экстраординарный смысл, так это то, что нация неожиданно перешла, причем с минимальным пониманием последствий, от ограниченной и сравнительно закрытой расовой таксономии к варианту, у которого нет никаких ограничений. В будущем расовые категории, несомненно, станут более многочисленными. А почему нет? Какие основания у правительства объявить, что "все, хватит"? Когда существовали только три или даже четыре и пять категорий, тогда такая позиция имела бы смысл. Но сейчас мы, как нация, как можем решать, что позволенные для нынешней переписи 63 расовые или 126 расово-этнических групп есть то самое "правильное" число? Это уже невозможно сделать, как и не может быть никакого другого "правильного" числа. Не существует ни политических, ни научных ограничителей»²¹.

Более того, по причине поколебленных современной наукой основ расовых подразделений позицией государства при проведении переписи может быть только принцип самокатегоризации, который отныне должен распространиться на всю систему официальной статистики. Расовая принадлежность – это личный выбор каждого опрошиваемого. Никто не способен отказать американцу с самой малой долей «белой крови» указать, что он в расовом отношении принадлежит к «черно-белой», «индейско-белой», «черно-азиатской» «азиатско-гавайской» расовой группе. Основанная на расовых и этнических параметрах политика идентичности будет неизменно усиливаться в США до тех пор, пока с той или иной формой идентификации связано распределение определенных общественных благ и преимуществ.

Наверняка скоро в США появятся новые группы, которые будут требовать признания и удовлетворения их специфических запросов и пожеланий. Например, арабско-американская община в лице своих активистов уже заявила о своем стремлении стать «расовой группой» при проведении переписей. Без признания через перепись невозможно сформу-

---

²¹ Ibid. P. 9.

лизовать те или иные программы и требования. Все это означает, что *вся нынешняя система расовой таксономии имеет слишком мало и одновременно слишком много категорий и по этой причине является уязвимой и более того – несостоятельной с точки зрения будущего развития Америки.*

Эта историческая несостоятельность просматривается в следующих возможных коллизиях. Во-первых, под вопросом оказывается вся система на основе статистической пропорциональности устранения дискриминации в различных общественных сферах и в области гражданских свобод и политических прав. Этот механизм радикально ослабнет по мере того, как будет возникать все больше и больше расовых групп и подгрупп.

Во-вторых, в случае ослабления американской экономической мощи и возможного роста конкуренции за рабочие места в США неминуемо ослабнет эйфория от формулы многокультурности и вполне могут возродиться антииммигрантские и расистские установки и конкретная политика. Формула процветающей и прочной этнорасовой мозаики не является раз и навсегда данной для этой страны. Любой более или менее серьезный кризис, в том числе и политический, порождает всплески ксенофобии и экстремизм, которые всегда присутствуют в американском обществе.

В-третьих, долго существовавшая толерантность в религиозной сфере до этого касалась главным образом протестантско-католического диалога и нет уверенности, что столь же естественно он может распространиться на растущих численно мусульман, индуистов и буддистов.

Наконец, расширение, но не элиминация номенклатуры групповых категорий в современных условиях вполне может означать конец прежней основы иммигрантского общества – стремление «стать американцем», означавшее разную степень ассимиляции. Теперь обращение к групповому партикуляризму иммигрантов с высоким социальным статусом и из вполне состоятельных стран, а также использование групповых прав становится средством преуспевания, а не маргинализации, как это было еще 50 лет тому назад. *Америка должна будет стать другим обществом, где на смену неудобным «расовым» категориям может прийти формула «многонациональности», которая является саморазрушительной для любого государства. Это и будет возможное прощание с Америкой.*

Безусловно, не перепись виновата в столь тревожном прогнозе и в сегодняшнем манипулировании этническими и расовыми категориями. Но без переписи это манипулирование было бы невозможным. Америка умела находить ответы на самые серьезные вызовы и решать проблемы собственного общества. Мое ощущение, что одним из таких ответов к моменту следующей переписи 2010 г. будет устранение из

программы вопросов о расе и об этничности. Подправить в этой изначально несостоятельной процедуре едва ли что-либо удастся.

Постсоветские переписи

Анализ первых постсоветских переписей важен и интересен во многих аспектах. Во-первых, переписи в новых государствах имеют исключительное политическое значение, ибо это своего рода финальные акции в процессе образования новых государств на территории бывшего СССР. В условиях многих неопределенностей, включая возможные территориальные вопросы, переписи охватывают не только население, но и территории в пределах новых государственных границ, делая после этого чьи-либо внешние претензии гораздо более трудными. Во-вторых, только переписи могут наиболее полно отразить весь масштаб миграционно-демографических и социально-культурных перемен в ходе общественных трансформаций. В-третьих, в ходе первых переписей возможно реализовать конструирование облика новых наций и государств, подправив через переписные категории и манипуляции «жесткую реальность». Наконец, именно в этом раунде переписей неизбежны коллизия методологических и политических установок и опыта советских переписей, новых взглядов и новых политических интересов, а также существующего международного опыта. Наконец, интересен сам эксперимент осуществления отличительных переписных программ на однородном в социально-культурном плане человеческом материале – бывших советских согражданах.

К началу 2002 г. восемь стран бывшего СССР провели переписи населения: Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Украина, Латвия, Литва, Эстония. В 2002 г. перепись проходит в России и Молдове. Планируют провести перепись Узбекистан и Туркменистан. В целом советские традиции статистики, образованное население и достаточные (хотя и скромные) материальные ресурсы позволили провести переписи на должном уровне, если сравнивать ситуацию по аналогичным среднеразвитым странам, проводящим всеобщие переписи. Проблемы возникли в другом и неожиданном плане.

Принятие в декабре 2001 г. федерального Закона «О Всероссийской переписи населения» и завершение подготовительной стадии переписи 2002 г. не сняло ряд фундаментальных вопросов программы и процедуры организации данной переписи, хотя проведенный в конце ноября 2001 года Госкомстатом России и Российской академией госслужбы симпозиум о международном опыте переписей прошел в более чем радужных тонах, включая хвалебные слова в адрес отечествен-

ной статистики руководителя соответствующего департамента ООН.²² Такое впечатление, что уже ни для кого не является вопросом как законодательная основа переписи, так и сама программа переписи, которая, казалось бы, определена окончательно, как и принятый федеральный закон. Позволим в этом усомниться.

Есть фундаментальная проблема переписи, которая пока плохо осознается, но от которой зависит подлинный, а не пропагандистский успех переписи. Это проблема полноты учета населения. При всеобщих переписях недоучет населения в 5% и более можно считать плохим результатом. Для России это означает уменьшение численности населения, по сравнению с реальным, на 7–8 млн чел. Недоучет в 10% – это уже провал переписи, ибо строить все расчеты, в том числе и в области социальной политики, на население, которое на самом деле на 14–16 млн больше, это значит обречь государственное управление и всю последующую обществоведческую экспертизу на неадекватные оценки и действия.

Такие результаты прольют бальзам на душу тем, кто говорит о вымирании России, и удовлетворят авторов текущей статистики, уже объявивших, что население страны составляет 143 млн чел. Хотя реальное население России на 4–5 млн чел. больше за счет тех, кто не значится ни в каких регистрациях. Эта разница в оценках и реальной численности не так безобидна. Например, исходя из данных некоторых демографов о резкой убыли населения, прежде всего числа детей, именно на ближайшие годы была запланирована школьная реформа. Однако, как оказывается, школьников и студентов в больших городах не становится меньше, а учителей в нынешнем учебном году кое-где даже не хватает!

Самое важное – при большом недоучете Россия необоснованно выбывает из десятки самых крупных по населению стран мира, что существенно в табели о рангах современных государств. Иметь самую большую территорию и сравнительно небольшое население – не лучший вариант в контексте мирового соперничества за ресурсы. Уже сегодня некоторые поговаривают, что пресная вода Байкала – это собственность всего человечества, а не только России.

Пришло время сказать и о недостаточно ответственном отношении к переписи многих граждан, общественных организаций и некоторых властных институтов. Приведу один пример. Руководитель Госкомстата России во время телепередачи «Времена» призывал СМИ не устраивать обструкцию переписи и просил Минпечати России принять меры против газет, которые открыто ставят под сомнение само прове-

²² См.: Пеерепись населения – XXI век: опыт, проблемы, перспективы. Междунар. симпоз. 27–28 ноября 2001 г., Москва.

дение переписи. На это министр печати и информации ответил примерно так: «Чем Вы недовольны, если по опросам общественного мнения более 90% изъявили готовность принять участие в переписи? Не вижу необходимости и не могу воздействовать на прессу». Здесь явное недопонимание важности именно всеобщего(!) учета населения и недопустимости подвергать сомнению проведение переписи.

Есть еще одна проблема. Власти в ряде российских республик буквально одержимы одной мыслью – приумножить численность и долю населения, которое принадлежит к так называемой титульной национальности. В Татарстане готовы переписать татарские деревни дважды, чем трижды постучать в городские квартиры, где проживают преимущественно русские. Национализм слеп и его логика такова: пусть будет меньше жителей в республике, главное, чтобы была больше доля башкир, татар, адыгейцев, якутов и т. п.

Пренебрежение к переписи высказывают и многие представители интеллигенции, от позиции которых многое зависит в обществе. Некоторые мои коллеги-профессора открыто говорили: «А я свою дверь никому не открою». Слушая таких наставников, их ученики несут в свои дома подобные же установки. Уже хорошо известно: пробные переписи в Подмосковье показали, что особняки бизнесменов, политиков, поп-звезд и других состоятельных людей оказались закрытыми для переписчиков. Кстати, за их заборами могут проживать еще и по десятку рабочих-мигрантов, которые также подлежат переписи. Беглый взгляд на дачные поселки свидетельствует о том, что и в октябре сотни тысяч рабочих еще будут трудиться на частных стройках. Готовы ли владельцы строящихся домов и ремонтирующихся квартир оказать помощь в переписи рабочих-мигрантов? Определенно нет.

Недостаточная гражданская ответственность, неизбывная российская неряшливость и пренебрежительное отношение к некоторым категориям жителей, а также вероятные манипуляции местных статистических органов под прессингом властей или радикальных националистов приведут к недоучету прежде всего городского и мигрантского населения.

Как исправить ситуацию и можно ли было это сделать? Единственный путь был внести поправку к федеральному закону «О переписи населения Российской Федерации». Достаточно было исправить фразу, что участие в переписи – не общественный долг, а обязанность всех жителей страны. Участие в переписи является обязательным во всех известных мне странах, где они проводятся. Не могу понять, в чьей увлеченной безбрежной свободой голове родилась мысль проводить перепись населения в России на добровольной основе. В России, где лю-

ди привыкли к верхушечному регулированию и к подчинению, шараться в другую крайность при подготовке закона о переписи не следовало. Перепись должна была быть обязательной, а в законе было необходимо добавление о правовых санкциях (наказании) за отказ участвовать в переписи или за дачу ложных сведений, как это принято в Англии, США и в ряде других стран.

В Германии установлена правовая обязанность отвечать на вопросы переписи. Во Франции закон о статистике также требует обязательного участия в переписи, и хотя судебные дела редки, это положение не позволяет каким-либо организациям и местным властям обращаться к угрозе бойкота переписи. В Канаде участие в переписи требуется по закону, а отказ от переписи или дача ложной информации квалифицируется как уголовное преступление и подлежит наказанию (штраф до 500 долл. или тюрьма сроком до трех месяцев, или то и другое вместе). После каждой переписи Статистическая служба Канады публикует выборочный список имен отказавшихся предоставить информацию, и известны случаи судебных наказаний. В Англии участие в переписи обязательно и после переписи 1991 г. некоторые понесли наказания за отказ от переписи. В Австралии главный статистик может направить жителю форму для обязательного заполнения, и отказ штрафует в размере 100 долл. за просроченный для ответа день. В австралийских переписях 1996 г. и 2000 г. было направлено изрядное число таких предписаний и имена наказанных известны. В США участие в переписи обязательно по закону, как и в Индии, где предусматривается наказание за отказ отвечать и за ложные ответы. В октябре 2000 г. я находился в Турции, когда там проходила перепись. В течение всего дня никто не имел права даже выходить из дома или из гостиницы пока не были заполнены переписные листы. Только потом нашу группу выпустили в аэропорт.

Почему Россия выбрала отказ от обязательности переписи, мне неизвестно. Скорее всего из-за некомпетентности авторов закона, недостаточной информированности законодателей или из увлеченности свободой выбора и обеспечением конфиденциальности. В последние 20 лет вопрос о конфиденциальности в ходе переписей был одним из самых острых во многих странах. В Германии из-за этой проблемы даже отложили проведение переписи на четыре года. Но нигде и никогда сам принцип обязательного участия в переписи не подвергался сомнению.

Что и как считать в многоэтничной стране?

Это, собственно говоря, главный вопрос дискуссии о новой переписи. Он гораздо сложнее, чем представляет себе Госкомстат, решивший первоначально обойтись собственными силами при разработке этой части переписи. Прежде всего зададим фундаментальный вопрос о том, что мы собираемся зафиксировать в переписи: некую номенклатуру «национальностей, национальных или этнографических групп» (как сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан (у русского народа) различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не-взаимоисключающий характер? Большинство развитых стран, проводящих всеобщие переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (предпочитая спрашивать о языке, религии или расе), или фиксируют этническую принадлежность в ее единичном или множественном варианте.

Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло этап языковой «национализации», т. е. их представители считают себя «нациями», и это косвенно признается государством в конституционной записи о «многонациональном народе России», хотя больше нигде в федеральных законодательных и правовых текстах этнические общности не квалифицируются как «нации». Еще существует понятие «национальности» в смысле этнической, а не гражданской принадлежности. Причем считается, что национальность может быть только одна и только по одному из родителей. С отменой записи «национальность» в паспортах положение стало несколько лучше, ибо позволяет больший и сменяемый выбор этнических идентичностей и уменьшает возможность дискриминации по этническому принципу. Сохраняется глупая процедура записи национальности в свидетельстве о рождении, когда вновь рожденный человек вообще никакой этничностью не обладает. Но несостоятельность этой процедуры довольно скоро выявится, а сейчас она – не более чем небольшая задачка для родителей попробовать предугадать, кем их ребенку лучше быть в России.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные о национальной (этнической) принадлежности, т. е. как бы устанавливает общую численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на базе индивидуальной идентификации (личного самоопределения), кроме малолетних, за которых решают

родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране, и некоторые ученые полагают, что для выяснения действительно полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания (этнонимы) и не заниматься их корректировкой через «встречный» список народов, который подготовлен учеными²³. Этот подход основан на все той же примордиалистской посылке, что где-то в глубине социума и человеческого сознания существует подлинное «национальное, или этническое, самосознание», выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение якобы не имело места в прошлом по причине отказа в признании со стороны государства и экспертов, которые отказывались «признавать этносы».

Что касается отказа в признании – это действительно так: в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов – это всегда не расширение, а сужение числа этнических единиц. Но было и достаточно мирное конструирование «социалистических наций и народностей», в том числе и по рекомендациям ответственных ученых, по обсуждению и выбору местных элит и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом состоит в другом.

Во-первых, в достаточно наивной вере, что этническая идентификация всегда есть некая эксклюзивность, всегда предшествует другим формам идентификации и всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер, и трудно отказать ботлихцу, цумадинцу или ахвахцу в том, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Почему их нужно ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли это делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор за рамками государственных инструкций.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись зафиксирует всю «полную картину этносов», то следующая перепись даст наверняка другой, еще больший или меньший список, но обязательно

²³ См. пример такого списка: Народы СССР. Краткий справочник / Отв. ред. С. П. Толстов. М., 1958.

отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее – прерогатива самого человека.

Поэтому отказ от списка ради «открытого листа», но с той же самой методологической установкой, ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров, что есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т. п. Не спасает положения и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии «в основном проживающие на территории на территории Российской Федерации» и «в основном проживающие за пределами», так и по линии вертикальной иерархии (этнос-субэтнос): например, казаки или поморы как субэтнос русских, а болгары или мишари как субэтнос татар, дигорцы как субэтнос осетин и т. д.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный, с точки зрения современной науки, вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Важно хотя бы преодолеть жесткое давление националистических сил и ассимиляционистские установки местных администраций в пользу так называемых титульных национальностей в республиках. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков с целью приумножить «государствообразующий этнос». Активную мобилизацию вокруг переписи могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы выбора при разумных разъяснениях переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими: вы можете определять одну, две или даже три национальные принадлежности или вообще никакой: например, русский и еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т. п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мокша-эрзя, осетин-дигорец, русский-казах, калмык-казак, русский-помор, татарин-булгар и т. п.

Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый «настоящий» список национальностей – это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо *в России живет один народ – россияне, как и многие народы других крупных государств, отличающийся богатством культурной сложности.*